

№1 / 2018

В КОСМОСЕ ВЕТЕР...

НЕПЕРИОДИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Дмитрий Дудкевич
Роберт Демидов
Антон Пайкес**

**В космосе ветер...
Непериодический
литературный журнал**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178281

ISBN 9785449028938

Аннотация

В первом номере журнала «В космосе ветер...» представлены рассказы Антона Пайкеса, повесть «Спектрофобия» и рассказ «Прощальный подарок» Дмитрия Дудкевича, рассказы Роберта Демидова.

Содержание

Антон Пайкес	5
Астроном Иванов	5
Призрак господина Луиджи Соррентино	18
Малахитовый лев	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**В космосе ветер...
Непериодический
литературный журнал**

**Антон Пайкес
Дмитрий Дудкевич
Роберт Демидов**

Редактор Анна Теркель

Корректор Юлия Городилина

Иллюстратор Лиза Ложка

© Антон Пайкес, 2018

© Дмитрий Дудкевич, 2018

© Роберт Демидов, 2018

© Лиза Ложка, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2893-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антон Пайкес

Астроном Иванов

Астроном Иванов надсадно вздохнул, и резкий поток воздуха, ворвавшийся в лёгкие, до самого предела усилил головную боль, хотя и до этого казалось, что мозг вот-вот перейдёт в какое-то новое, неизвестное науке агрегатное состояние.

Слово «астроном» давным-давно вышло из употребления. Конечно, куда позже, чем «звездочёт», но всё равно лет сто назад или что-то около того. Слово умерло, а Иванов вот он, ещё живой, дышит и старается делать это как можно тише, чтобы не взбалтывать гоголь-моголь в голове (ещё одно вышедшее из обращения выражение), и не разбудить соседа, что стонет во сне на соседней койке.

Соседу снится море. Его сны, судя по стонам, носят ностальгический характер, иногда Иванов своими собственными глазами, больными проклятой светобоязнью, видит, как человек пытается плавать в жёстких желтоватых простынях, не веря в то, что море давно почернело и отошло от берегов на сотни километров. Разум соседа, помещённый в иллюзорную мальчишечью плоть, гонится за отступающей водой, на каждый её шаг тратя десятки собственных. Дистанция между ними не только не сокращается, но даже увеличи-

вается. Что там говорить, и чайки, что орут в небесах своими прокуренными голосами, не могут догнать уходящее море, полёт их превращается в гонку со временем, выиграть в которой по определению невозможно.

Астроному Иванову давно ничего не снилось. Он вообще почти не спит. Конечно, мозг когда-то отдыхает, но делает это в непривычной манере, в виде болезненных коротких замыканий, неожиданно наваливающихся и так же неожиданно отступающих. При пробуждении возвращается и головная боль, и ненависть к стонущему соседу, хотя тот-то ни в чём не виноват. Собрат по несчастью, отбывающий с Ивановым повинность за грехи прошлых жизней.

После очередного пробуждения Иванов обычно вскакивает. Его ведёт, но лучше уж обить все углы больничной палаты, чем лежать и фиксировать покалывание мигрени, захватывающей всё новые и новые отделы мозга. Собравшись с силами, Иванов восстаёт из мёртвых, отбрасывает одеяло, вдевает ступни в пляжные шлёпанцы из магазина «Всё по 60 рублей» и медленно поднимает своё тело на ноги – требуются поистине титанические усилия, чтобы заставить слушаться на редкость своенравные конечности. Боль радостно хватает зубами его виски, требуется пять-шесть секунд на то, чтобы пережить эту атаку, и ещё восемь, а в худшем случае все десять, чтобы дойти до окна.

Между подоконником и батареей имеется удобная выемка, в которой можно занывать сигареты. Иванов умело вы-

уживает их и пачку охотничьих спичек с зелёными головками и большим деловитым индийским слоном на упаковке. Делает он это не открывая глаз, потому что в палате в любом случае темно, как погребу. Свет снаружи не проникает в помещение, окна покрыты серо-зелёной пылью, которая копилась веками, а форточка, единственный сегмент окна, который умеет открываться, завешана снаружи плотной, похожей на москитную сетку стальной проволокой. Она забита уличной грязью и является непреодолимым для света препятствием.

День ото дня, как только медперсонал даёт отбой, сестра-хозяйка выключает свет, и палата погружается в абсолютную космическую мглу. В ней живёт Пожиратель звёзд, роятся ветра, распространяются, не ведая препятствий, неизвестные человеку волны. И никаких тебе душеспасительных видов из окна, реальность просто выключается, оставляя Иванова и его соседа наедине с их страхами, мечтами и воспоминаниями.

Иванов, стараясь не шуметь, так же на ощупь открывает форточку. Громко чавкает шпингалет, и в затхлость палаты врывается мощный сквозняк. Некоторое время астроном принюхивается к нему, пытаясь понять, какое там время года за окном, но воздух ничем не пахнет. Как эта темнота не несёт в себе ни крупицы смысла, так и ветер извне не даёт никакого представления о том, что творится в мире за стенами больницы. Температуры у воздуха тоже, кажется,

нет, Иванов не может определить, мёрзнет он или же ему, наоборот, жарко. Но мысли усиливают мигрень, и он просто закуривает, выпуская струю дыма в направлении потолка.

Сосед стонет сильнее, ему тоже хочется курить, но там, в морском сне, нет сигарет, нет огня, от которого можно их поджечь, нет даже взрослых раздутых лёгких, которыми можно было бы вдохнуть неприятный, пахнувший, почему-то, мокрой собачьей шерстью дым. Иванову в любом случае не хочется его будить, бедолагу, астроном прекрасно знает, каково это – просыпаться в больничной тьме, осознавая, что прекрасное синее небо, мягкий жёлтый песок, орудие благим матом чайки – не существуют, а являются лишь образами, которыми забавляется испытывающее слабость к садистским развлечениям человеческое подсознание. Здесь долгие и злые ночи, злые настолько, что им можно давать имена или даже уголовные клички, говорящие о своём владельце куда больше, чем случайные последовательности букв, называемые именами.

Благодаря своим ночным мытарствам, Иванов давно уже научился делать множество самых разных вещей на ощупь. Он даже пару раз задавался вопросом: а нужно ли ему вообще зрение, или он способен обойтись другими чувствами вкупе с богатым жизненным опытом? Зрение доставляет астроному слишком много хлопот, особенно в те моменты, когда мигрень вызывает навязчивую светобоязнь – предметы кажутся иллюзорными, слишком яркими для того, что-

бы считать их реальными. Реальной остаётся только сама нескончаемая головная боль. Предметы плывут и двоятся, глаза наливаются тяжестью, и вот уже болят не только виски, но и глазные яблоки, а за ними и дальние области на затылке. Словно на голову падает потолок.

В списке полночных дел, выполняемых вслепую, значится и включение старого приёмника «Эверест», что стоит на тумбочке у подоконника. Громкость на минимуме, ничто не должно прерывать путешествие соседа вслед за уходящим морем, но Иванов давно подстроился к его слуху, как подстраиваются люди в браке к физиологическим особенностям своего партнёра.

В первую секунду после щелчка тишина в палате вопреки ожиданиям сгущается, даже ветер из форточки замирает, как мальчишка, играющий с друзьями в морские фигуры, но уже через мгновение палату затапливает шум помех, белый шум пустого, как больничный холодильник эфира. В потрескиваниях и вое волн, кажется, слышится даже какая-то мелодия, но партитура к ней написана слепым композитором, не видящим линий, а играют произведение глухие скрипачи. Белый шум тараторит и сбивается, даёт неожиданного петуха, впадает в транс, а потом распадается на басовые рефрены из серии «кто во что горазд».

В этом шуме тонет даже головная боль. Она приобретает новые качества, перестаёт быть собственно болью, становясь былью, абстракцией, за которой Иванов может не без

удовольствия наблюдать со стороны.

Он затягивается снова, в который уже раз, и обрушивает столбик пепла в горшок с геранью, специально для этих целей припрятанный в углу окна. Астроном помнит, что цветы у неё грязно-розового цвета, а листья на ощупь мохнатые, но не жёсткие, как двухдневная щетина, а мягкие, как салфетки из того японского ресторана.

– Кто ты, мой единственный слушатель? – Голос прорывается сквозь помехи как-то неуверенно, сегодня он тише, чем обычно, и в этом Иванову грезится дурное предзнаменование. – Надеюсь, у тебя всё хорошо. У меня всё предсказуемо никак.

Астроному иногда кажется, что у него действительно всё хорошо. А потом – что всё никак. Но, конечно, ни тот, ни другой вариант нельзя считать верным, потому что дела у него плачевны, и впереди – ни просвета.

– Снова не могу выйти из дома. Так что, не знаю, что там сейчас на улице творится. Но ты ведь можешь выглянуть в окно и узнать, какова сейчас атмосфера, нет ли осадков. Правда? Выглянул? Есть там вообще хоть что-то?

Ответ на этот вопрос хотел бы знать и сам Иванов, как хотел бы, будь такая возможность, узнать, как выглядит обладательница этого приятного голоса, молодая девушка, младше его раза в два. Впрочем, голос у женщин – вещь, которой не стоит слишком сильно доверять, это у мужчин он как полноценное резюме и, возможно, непроверяемая улика.

– Я всё чаще склоняюсь к мнению, что говорю с пустотой. Какое-то радио пустоты получается. Никто не пытается выйти со мной на связь. Там ведь никого нет, да? Как нет и мира за стенами, нет записей на старых пластинках, которые я всё равно не могу прослушать, потому что проигрыватель давно сломался. Я права? Пошли вы все на хуй за то, что вас нет.

Иванов прикладывается лбом к холодному, да что там – ледяному стеклу, сквозь которое, как сквозь кромку чёрной дыры не проникает ни один фотон, и в этот раз чувствует температуру. Приятное открытие. Он тушит сигарету в герань, скидывает бычок в перфорированный верх батареи и выключает радио.

За стенами ничего нет. Девушка в эфире так сказала, и это очень похоже на правду. Интересно, какая она. Наверное, очень пугливая, в жизни ни с кем не общается, выговаривается в радиоэфир, как в зеркало. Хочет ли она, чтобы кто-то ей ответил? Скорее, она хочет, чтобы мир не существовал, и так оно, наверное, и есть на самом деле.

Зато в коридоре теплится жизнь, и прямо сейчас по нему цокают массивные каблуки, раздаются шаги, звук которых давно изучен пациентами клиники и привычен, даже в ночное время. Иванов бежит к кровати, на своих негнущихся ногах преодолевает расстояние в четыре шага и падает на матрас, попутно укрываясь липкой от многодневного пота простынёй. Успевает как раз вовремя: дверная щеколда снаружи издаёт противный металлический скрежет, а сле-

дом за ним в комнату вползает по полу полоска света, постепенно разрастаясь и превращаясь в угол, как в учебниках геометрии.

В палату заходит медсестра. Иванов высовывает половину лица из-под простыни, чтобы внимательнее изучить свет из коридора. Он там какой-то белый, не в пример жёлтому дневному свету в палате. Наверное, космические лучи состоят из такого. Он способен рваться сквозь вакуум к неведомым мирам, и, в отличие от радиоволн, ему не нужны ни ретрансляторы, ни вышки, ни даже чёртовы радиоприёмники. Он свободен, быстр и информативен.

– Сестра, а что там на улице? – спрашивает Иванов.

На женщине – маска, ни от чего её не защищающая, разве что от необходимости красить губы, но делающая её серьёзнее в глазах простых смертных. Иванову кажется, что она довольно-таки хороша собой, несмотря даже на стремительно приближающийся полувековой юбилей, уничтоженные химической завивкой рыжие волосы и практически полное отсутствие подбородка. Впрочем, что Иванов может знать о женщинах? Рассматривай, не рассматривай, всё равно не поймёшь. Ещё этот странный запах, сопровождающий сестру повсюду – что-то вроде тройного одеколона с тяжёлым хвойным акцентом. Когда она проходит мимо двери, одного обоняния достаточно, чтобы безошибочно узнать её, не слыша стука каблучков или шуршания голубых порванных бахил.

– Чёрт его знает, что там на улице. – Она тараторит, видимо, чтобы не заснуть. – Я тут сутками с вами сижу, не помню, когда дома была в последний раз. Кончал бы ты курить в палате, а.

Сестра раскладывает лекарства по боксам с именами. Полный комплект: три белые таблетки с ризами, одна жёлтая капсула с чем-то сыпучим внутри, одна голубоватая таблетка с крестовым разрезом с одной из сторон и неразборчивой надписью с другой. Иванов точно знает, что его меню не меняется и никогда не изменится.

Когда операция завершается, сестра проходит к окну и прислоняется лбом к холодному грязному стеклу – почти к тому же самому месту, к которому недавно прислонялся сам астроном, разве что чуть ниже – сказывается разница в росте. У неё тоже мигрень, в такие минуты она особенно тепло относится к Иванову. Ей, наверное, кажется, что сейчас они как близкие родственники, скрывающие какую-то фамильную тайну, находятся на одной волне и могут общаться без слов на любые, волнующие человека с головной болью темы. Но время родственных уз ещё не пришло, и это Иванов тоже понимает отчётливо.

– За окном, думаю, весна, – наконец говорит она, и астроном слышит усталость в её голосе, – весенняя ночь, половина первого. Если что, таблетки от головной боли в пластиковой херне, как всегда, наверху справа. Разберёшься.

Сестра быстро выходит из палаты и громко хлопает две-

рю, от чего щеколда сама стопорится, запирая больных, как тюремный замок.

– Эй, а ты чего притих? – Иванов обращается к соседу, хотя и не знает точно, спит тот, или проснулся и теперь лишь притворяется.

Иногда люди спят совершенно бесшумно, это ещё называют сном младенца. Младенцам не снятся сны, вот в чём дело. Так, по крайней мере, кажется Иванову. У детей не может быть никакой эмоциональной реакции, потому что ничего не снится, а происходит это по причине полного отсутствия какого-либо опыта. Набраться этого дерьма ребёнку попросту неоткуда.

– Разбудила она меня. У неё опять головные боли? Как думаешь, там правда весна?

– Нет там ничего, – раздражённо говорит Иванов, – соврала она. Там просто пустота, а в ней, как мухи в молоке, плавают и дрыгают ножками наши души. Спи. У тебя там, кажется, осталось незаконченное дело.

Через пару минут сосед уже во всю стонет в стенку, хорошо хоть додумался отвернуться.

Почему так сильно болит голова? После таблетки, после долгожданной радиопередачи, после сигареты и медсестры в неуместной маске от гриппа. Должно было стать лучше.

Иванов добредает до радио и щёлкает тумблером, после чего возвращается в кровать и укрывается простынёй под самый подбородок.

– Может, там и правда ничего нет? Ничего – это ведь тоже не так плохо. Пожиратель звёзд завис в вакууме и ждёт, когда зажжётся свет, чтобы поглотить его, избавить тьму от ненужного ей раздражителя. Успокоить, укачать, усыпить возбуждённую вселенную.

Белый шум пожирает далёкий голос. Несмотря на боль, Иванов погружается в странное забытье, в котором с закрытыми глазами видит потолок, словно нет всей этой тьмы вокруг, и трещины на побелке, жёлтые потёки по стенам и рыжие пятна ржавчины в местах, где трубы отопления встречаются с крошащимся бетоном.

В пограничном состоянии Иванов не чувствует себя астрономом, когда-то использовавшим все эти непонятные и, в конечном счёте, никому не нужные приборы для наблюдения за звёздами. Он чувствует себя объектом своих научных изысканий, тем единственным лучом, что, сбежав от Пожирателя звёзд, пробивает грязную сетку форточки и выжигает след на двери, застывшей в вечности прямо напротив окна. На пути его следования по палате воспламеняется пыль, частицы омертвевшей кожи, отпущенной на свободу за ненужностью двумя нездоровыми мужчинами.

Мир сворачивается в дугу, и Иванов, а точнее луч, слепит самого себя, лежащего на кровати, рикошетит от стен, пытается разбудить соседа, но тот спит крепко и не чувствует даже ожога, оставленного космическим посланником на его шее. На излёте своих сил луч пронзает голову соседа

насквозь, придавая ускорение плачущему, бегущему вслед за отступающим морем мальчику, и у того словно вырастают крылья, он обгоняет чаек и на одно мгновение касается ногами воды. Стоны стихают, в палате устанавливается хрупкая тишина, и нет ничего надёжнее её.

В предрассветной тишине в палату, где спят двое, проникает фигура. Она незаметно открывает щеколду, и та впервые в истории не издаёт ни звука, а дверь заискивающе пропускает гостью в помещение. Девушку не смущает тяжёлый запах, навсегда поселившийся в палате, она лишь запирает за собой дверь, чтобы свет не разбудил Иванова и его товарища по несчастью, счастливо улыбающегося во сне.

На соседа гостья смотрит долго и спокойно, как посетитель выставки на первые картины, которые лишь подводят к сути экспозиции, но вовсе не являются главными экспонатами коллекции. Потом она делает два шага и оказывается прямоком у кровати Иванова. Тот, всё ещё в полусне, не шевелится, он только что разбился о волны и не скоро соберётся с силами. На его лице отражается лишь холодная хватка мигрени и бесконечная усталость.

Девушка садится на край кровати, на ней – больничный халат, карикатурно легший на узкие плечи, а на голове – пластиковая маска лисы, дешёвая, из ближайшего киоска. Дырки на месте лисьих глаз зияют, как проклятые бездны, но белков никак не разглядеть, так как в палате снова темно, и темнота эта чернее самых страшных ночных кошмаров

и злых дум.

Гостья протягивает руку и касается лба Иванова.

– Больно, братик? Ничего, ничего, – она повторяет это несколько раз, глядя лоб Иванова ледяной рукой, которая даже в этой абсолютной космической мгле светится своей белизной, – всё пройдёт. Уже проходит. Чувствуешь? Она уходит. Боль покидает твой мозг и уступает место чему-то совершенно иному. Интересно, чему?

Гостья водит рукой по лбу больного, вырисовывает на нём, как на холсте, какие-то сложные фигуры, в некоторых узнаются силуэты животных, люди, сцены охоты, как на стенах доисторических жилищ, лёгкие мазки позднего Тициана, суровые геометрические узоры первых футуристов. Она рисует медленно, повторяя про себя, как заклинание, никому кроме неё не известное имя Иванова, бывшего астронома, а ныне – пациента клиники, на веки вечные зависшего в пустоте и тишине небытия.

И боль отступает.

Призрак господина Луиджи Соррентино пытается рассказывать истории

Я приехал в Сорренто на излёте неожиданно холодного января, чтобы провести несколько дней в гордом одиночестве. Не то, чтобы это было моим хобби или хоть сколько-то соответствовало сиюминутным потребностям, просто тишина вырубленного в скалах города в отсутствие толп туристов действует на меня, как адреналин на остановившееся сердце. Парадоксальная особенность моего организма заключается в том, что спокойствие будоражит, заставляет вести себя более активно, чувствовать себя живым. А вот московский шум и чудовищный ритм только стачивают все механизмы, составляющие моё существо, и ничего не дают взамен ни уму, ни булькающему мотору внутри грудной клетки.

Здесь всё предстаёт в новом свете, мечты и желания кажутся более реалистичными и выпуклыми, как буквы азбуки Брайля.

Первым делом я завёл себе дневник: купил нелинованный блокнот и начал записывать свои мысли, перерисовывая в него заодно и многочисленные орнаменты, украшающие стены местных домов, кафетериев и даже туалетов. Каждый такой барельеф, каждая керамическая плашка заслуживает

звания произведения искусства, и мне нравится проводить время за столиком в ресторане, выводя на листе бумаги тонкие линии, составляющие единый наивный узор. Простота и яркие краски, неспешное рисование посреди маленькой, залитой солнцем площади. Я вывожу синей гелиевой ручкой растительные и морские мотивы. Просто это успокаивает, не даёт лезть внутрь себя и копать там день деньской, выискивая древние клады.

В принципе для моего визита были некоторые, пусть даже весьма номинальные причины. Помимо того, что мне хотелось отдохнуть, а в грязном и жестоком Неаполе это сделать невозможно, я проделал часовой путь до Сорренто, чтобы встретиться с одной очень старой подругой.

Она эмигрировала сюда на волне очередных непредсказуемых перемен, как многие другие, кого выдавили из России лихие времена, и теперь стала почти итальянкой, вышла замуж за местного и неплохо живёт, перешивая чужие платья. По крайней мере так она мне написала в коротком письме.

Мы договорились о встрече за несколько недель. Но она всё равно опоздала.

Прошлое всегда остаётся в прошлом. По правде говоря, я с ней и раньше не так уж много общался: мы всегда находились в одной и той же компании, но разговаривали только когда общались все, и никаких частных бесед между нами не велось. Впрочем, если уж собиралась кухонная братия, и все сидели вплотную друг к другу, она обязательно упира-

лась в меня ногами, и эта её привычка попеременно то злила меня, то доставляла странное удовольствие.

Она обыкновенно начинала дёргать ногами, когда долго сидела на одном месте, и это, безусловно, мешало спокойно проводить время с кружкой пива в руке. В определённый момент она стала ассоциироваться именно с тактильным контактом и приятным щемящим чувством одиночества посреди весёлой шумной компании.

– Ты тут по делам? – Спросила она и поправила причёску, растрепавшуюся на январском ветру, что дул с моря. Тяжело, наверное, было обладательницей столь мощной чёрной гривы в городе на горе, где ветра правили бал круглый год.

Я пил колу на террасе, прямо возле перил, и подо мной расстилалась морская гладь. Один эспрессо с молоком уже был уничтожен, в пепельнице покоились три едва деформированных окурка – я тушу сигареты аккуратно, чтобы не испортить форму. Так у них остаётся хоть что-то от своего первоначального вида.

Она опоздала, понятное дело, ненамного, всего на шестнадцать минут. На ней были чёрные леггинсы, короткая кожаная куртка и жутковатые красные кроссовки, которые было видно за сто метров. Она примостилась напротив и по старой памяти упёрлась в меня коленями, передавая мне свою дрожь.

– Да нет. Просто поехал в отпуск и решил заскочить, раз уж буду рядом. – Я решил, что стоит успокоить её, заверить,

что никаких трудностей она мне не доставляет. Впрочем, так оно и было. Всё-таки посмотреть на неё мне и правда хотелось, к чему скрывать очевидные вещи?

– Неплохое место. – Сказала она, подумав. – И недешёвое.

– Я не богач, если ты об этом. Но вид тут отличный, я решил разориться. К тому же, я остановился в соседнем отеле.

– С видом на бухту.

– Да, у меня есть балкон, представляешь? И прямо под ним – бездна. Очень страшно, я даже подумываю скрутить из простыни канат и привязываться к кровати перед тем, как на него выходить. Мало ли что.

Она хмыкнула и пару раз дёрнула ногами.

– У тебя нет детей? – Не то спросила, не то утвердительно сказала она, намекая на то, что отцу малышни не пристало тратить такую кучу денег на дорогой ресторан и отель в самом центре Сорренто. Я не стал отвечать на риторический вопрос.

Она вытащила из кармана тонкую папиросу, не показав пачку – это умение воспитывается годами изнурительных тренировок. В этом городе все от мала до велика курят, как заключённые, с удовольствием высасывая из сигарет весь никотин, стирая логотип и вплотную подбираясь к ватному наполнению фильтра. Если присмотреться, можно заметить, насколько короткие бычки валяются под ногами. И все обязательно смятые, как будто курильщики пытаются не просто прекратить горение сигареты, но уничтожить любую память

о ней.

У подруги, кстати, ребёнок был. И никто из наших общих друзей об этом не знал, что показалось мне симптоматичным. Как выяснилось, её сын в школу ещё не ходит, но уже очень умный, умеет читать, писать и считать до ста. Классическое описание любимого сынишки от молодой матери. Зачем мне нужно было всё это знать? Однако я как дурак кивал, выдавливал из себя некое подобие улыбки, когда это полагалось по правилам, и даже пару раз воскликнул что-то нечленораздельное, изображая состояние близкое к восторгу.

К тому моменту, как она закончила рассказ о своём прекрасном ребёнке и разносторонне развитой личности, которую представляет собой её муж, местный дантист с такими же чёрными, как у неё волосами, прошло больше двух часов. Были выпиты ещё две чашки кофе (и это только мною!) и почти допит бокал местного пива, значащегося в меню под названием Итальянское. На этикетке был нарисован некий господин Перони, который, по словам официанта, был известным меценатом и большим любителем местной футбольной команды.

Когда она спросила о моей жизни, я совершил первый преступный поступок в ходе нашей встречи – наотрез отказался рассказывать о себе. Во-первых, я знал, что ей плевать. Никакого интереса история моей жизни у неё не вызывала, а рассказывать что-то только из вежливости мне не хотелось.

Во-вторых, рассказывать-то особо нечего: если мою жизнь экранизировать, это будет самый короткий и самый скучный фильм в истории мирового кино.

– Хочешь ко мне? – Спросила она, несколько опешив от того, что я не горю желанием делиться своими радостями и причинами для гордости. – Мужа и сына нет и не будет до понедельника. Посидим, выпьем вина, расскажешь мне как там наши. Сто лет их не видела.

Я сверился с календарём в мобильном телефоне и убедился, что сегодня суббота, а значит, у неё впереди двое суток в одиночестве. Я к ней, конечно, идти не собирался, хотя предложение показалось мне весьма заманчивым.

– Знала, что ты откажешься. – Пробормотала она и выпила ещё вина. По её интонации было не совсем понятно, расстроилась ли она, получила ли ожидаемый ответ и успокоилась, или впала в уныние от неудачи. – Отмахиваться от возможностей всегда было твоим хобби, правда?

Я грустно кивнул.

– Итак, ты приехал ко мне передать приветы от друзей. Один, не шибко богатый, много курящий, не любящий рассказывать о своей жизни. Ты не принимаешь моё предложение, тебе не интересна моя жизнь. Тебе не кажется, что всё это умереть как странно? – Последнее слово она произнесла с каким-то неуловимо итальянским акцентом, повторить который я бы не смог никогда в жизни. Она действительно постепенно превратилась в местную. И дело не в языке, а в ин-

тонациях, в жестах, в мимике и даже в походке.

– Согласен, какая-то глупость получается. – Я протянул руку и поджёг её сигарету. Она кивнула и повернула голову к морю.

– Можно я позвоню тебе в отель, если будет скучно? – Спросила она.

– Конечно. – Ответил я.

Потом мы обменялись подарками. Я передал ей целый мешок писем от всех наших общих друзей. Они постарались на славу, исписали много листов, приложили кучу открыток, в общем, сделали всё, чтобы она радостно расплакалась при получении подарка от ожидаемо нахлынувших чувств. Она не расплакалась. Сунула пачку в сумку и пообещала почитать на досуге.

И после этого она что-то говорит о моей незаинтересованности!

Все в нашей весёлой куче обожали черноволоску. Она была практически центром компании. Я бы от них такой кучи сообщений не получил, куда бы меня ни закинула судьба. А она просто сунула их в сумку и забыла, словно ничего не было.

Передал я и пару сувениров от себя лично – несколько дисков, фатально ненужных в эпоху интернета, да книгу своих рассказов. Диски она осмотрела, придирчиво морща носик, после чего отправила их в бездну сумки вслед за корреспонденцией. Книжка задержалась в её руках на некоторое

время.

– Сам издал?

– Да.

– Там есть что-нибудь обо мне? – Спросила она.

– Возможно. – Отозвался я. Не хотелось врать, там действительно было что-то о ней.

– Там есть что-нибудь о тебе? – Спросила она через минуту.

– Однозначно. Почти всё.

Она аккуратно раскрыла книгу на случайной странице и пробежала глазами несколько строчек. В эту минуту мне очень захотелось принять её предложение, но я сдержался.

Настала её очередь дарить обязательные местные сувениры: лимонный ликёр средней крепости и набор шоколадных конфет – вот и всё, что она посчитала нужным взять на встречу со старым другом. И ещё приглашение в дом – напомнило что-то в моём мозгу. Это, возможно, поважнее книжки рассказов.

Лимоны тут везде: деревья растут на улицах, в садах у местных жителей, на вершине горы, и даже в бездне, где покоятся останки общественных бань чёрте какого века. Лимоны – жёлтые, кислые, с привкусом детской болезни и спиртового раствора.

Подруга выглядела виноватой. Эта эмоция стала первой честной эмоцией за вечер, и мне даже на секунду захотелось утешить её, но я сдержался. Не потому, что во мне нет жа-

лости, а потому что в тот момент во мне её было с избытком. И ещё не хотелось признаваться, что я расстроюсь, когда она встанет – тогда я перестану ощущать тремоло в её коленях и отправлюсь в одиночку в отельный номер, с балкона которого буду смотреть в бездну.

Мы попрощались.

– Ну прощай. – Сказала подруга и связь между нами, та связь, что на уровне коленей, прервалась. Возможно, навсегда.

– Прощай. – Я держал в руке коробку конфет и никак не мог сообразить, что с ней делать.

Она посмотрела на меня своим излюбленным долгим взглядом, который падает на тебя, как многотонная плита, и ушла, закинув сумку с подарками на плечо. Я наблюдал, как она удаляется, красиво покачивая бёдрами, обтянутыми чёрным, плотно сидящим латексом, и вообще ни о чём не думал.

От местного кофе не начинает болеть голова, сердечный ритм не увеличивается, поэтому его можно пить весь день и не бояться передоза и смерти в адских муках, что неминуемо ждёт вас, если переборщить с горячим чёрным напитком в Москве. Поэтому, я заказал ещё чашечку, на этот раз со взбитым молоком, и закурил.

Если не о чем думать, думай о кофе.

Официальная часть поездки закончилась, настало время импровизации.

Впрочем, как оказалось, этот полдень собирался устроить мне ещё один сюрприз. После того, как моя подруга скрылась из виду, и я опорожнил чашку кофе, ко мне подсели две китаянки – возможно, это были представительницы какой-то другой азиатской национальности, но больше всего за рубежом именно выходцев из Поднебесной. Одна была чуть повыше, где-то метр шестьдесят, другая совсем миниатюрная. Они что-то бегло щебетали на итальянском, но так как я языка не знаю, возникла неудобная пауза.

Тогда та, что поменьше, обладательница ярких синих волос, неожиданно перешла на русский. С совершенно чудовищным, словно птичьим, акцентом. Приходилось как следует вслушиваться и периодически переспрашивать, чтобы разобрать хотя бы три-четыре слова подряд.

– Подруга ушла. – Сказала маленькая синеволосяя девочка.

– Подруга ушла. – Согласился я.

– Ты не должен сидеть тут один. – Снова подала голос та, что поменьше. – Ты не должен сидеть тут и пить. Это очень-очень плохо, а дальше будет ещё хуже.

Я кивнул для вида, потому что совсем не мог понять, чего они от меня хотят.

– Пока ты сидишь один, в тебе умирает человек. – Сказала та, что повыше. Её русский был ещё хуже, настолько, что я додумывал за неё одновременно и приставки, и суффиксы, и окончания, а она говорила одни корни, и даже в них умуд-

рялась путаться. – Человек умирает. Время умирает. Надо двигаться, разговаривать с другими, слушать истории. Иначе исчезнешь.

Я снова кивнул.

– Идём к тебе. – Уверенно прошептала та, что повыше. – Будем разговаривать. И не только разговаривать.

– Э, нет, дорогие. – Я быстро сообразил, чего от меня хотят девчонки. А у меня действительно было не так уж и много денег, да и покупать секс в чужой стране было всё-таки небезопасно.

– Не пожалеешь, глазастый. – Сказала та, что повыше. – Не понимаешь, от чего отказываешься.

– Нет. Не пойдёт. – Я был непреклонен. Та, что повыше погрузнела, маленькая же насупила брови. – Простите, девчонки, не по мне такие дела.

– Ты уверен? – Голос той, что пониже вдруг приобрёл какой-то странный тембр, словно у меня звенело в ушах при каждом произнесённом звуке.

– Абсолютно.

– Ну, потом не плачь. – Буркнула та, что повыше. – Ты ещё сможешь изменить решение позже.

Я зачем-то сунул им коробку конфет. Просто не знал, что с ней делать, а китайянки подвернулись вовремя. Маленькая девчонка забрала коробку и странно посмотрела на меня.

– До встречи.

Я лишь кивнул.

Она взяла за руку ту, что повыше, и они обе удалились в ту же сторону, куда десять минут назад ушла моя подруга. Метров за пять до выхода с территории ресторана та, что пониже обернулась и чуть приподняла платье. Видимо, чтобы я узнал, от чего отказываюсь. Под платьем не было белья, зато наличествовали упругие красивые ягодицы.

Я ещё раз отрицательно помотал головой, а она лишь улыбнулась в ответ, словно знала что-то, чего не знал я.

Честно говоря, всё это выглядело довольно странным. Впрочем, мало ли какие тут особенности. Расплатившись, я направился в отель.

В холле не было ни души, так что я взял на себя смелость самостоятельно пройти за стойку регистрации, выполненную из обшарпанного красного дерева, и забрать ключ от своего номера. Поднимаясь на третий этаж, я обратил внимание на то, что ни на лестнице, ни на этажах не было ни души.

– Отлично, – буркнул я себе под нос, – ты хотел одиночества, теперь жри его столовыми ложками.

Остаток дня я провёл в странном состоянии тотального отупения.

Я выволок на балкон стул из прихожей, он едва поместился на узкой площадке, после чего уселся на него, запасшись пивом из мини-бара и сигаретами.

Смотреть в бездну под ногами было очень интересно. Страшно, конечно, но притупить этот врождённый страх

помогло пиво, а вот с любопытством оно ничего сделать не смогло. Волны бились о скалы где-то далеко внизу, и стремительно садящееся в море солнце подсвечивало огненные гривы волн. Прекрасное, романтическое явление, которое я попытался бы зарисовать, если бы умел настолько хорошо передавать движение и фактуру.

К сожалению, перерисовывать плоские узоры – мой потолок.

Потом я, кажется, задремал, потому что проснулся, когда моря уже не было видно. Под ногами что-то шипело и гремело накатами, как разгневанная преисподняя, но если на горизонте рябь на воде подсвечивалась невесть откуда взявшейся луной, то внизу, в бездне, царил крошечный мрак.

В общем, неудивительно, что ближе к полуночи я уже не сидел на балконе, а проводил время с бокалом в руке возле бутафорского камина, в котором горело электричество.

Отель действительно был богатым, и отделка номеров предполагалась соответствующей статусу.

Призрак Луиджи Соррентино появился, едва часы проббили полночь.

Он завис над кроватью, и всё его зыбкое тело источало жалость и сочувствие.

Пробили – это лишь фигура речи, на самом деле часовой механизм противно протрещал, как заяц-барабанщик, добравшийся до листа жести. Отвратительный звук, наложенный на не менее отвратительную тишину полночного пери-

ферийного городка.

Бывает так, что ночные улицы молчат. Откуда-то издале-ка раз в несколько минут ветер приносит вскрик чайки, пролетающей на уровне скалы и призывно зовущей другую чайку, а больше не слышно ни звука. В эти минуты мне кажется, что я на самом краю Земли, хотя на той стороне залива и горят огни Неаполя. Достаточно открыть гардины, чтобы свет оттуда наполнил мир. Но я этого, понятно, делать не стал, решив пообщаться с незванным гостем.

– Здравствуй, смертный, – громко и отчётливо произнёс призрак. – Меня зовут Луиджи Соррентино. Я построил этот дом.

– Этот отель? – переспросил я.

– Этот дом! – голос призрака выдал обиду, по всей видимости, он не хотел, чтобы здесь селились на время совершенно чужие люди. – Живые превратили мой дом в гостиницу, но я-то всё помню. Здесь жил я со своей любовницей. У нас была прекрасная лимонная роща и маленькая беседка на краю обрыва.

– Сейчас тут отель, – спокойно отозвался я. – Ничего не поделаешь, ты умер, а твои потомки решили всё по-своему.

– У меня не было потомков. Это – так, седьмая вода. Дети племянницы.

– Мне очень жаль.

– Как бы то ни было, – заявил призрак, – я здесь, чтобы

рассказать свою историю.

Надо слушать истории – так сказали китайки, предлагавшие мне себя. Почему им всем надо, чтобы я что-то слушал? Неужели так сложно оставить меня одного?

– Я застал Сорренто в период рассвета, – загрохотал сеньор Луиджи, и воздух наполнился запахом мускуса. – Здесь было всё, чего только может пожелать взрослый состоятельный господин. Представляешь себе этот город в зените славы?

– Не очень. Но думаю, тут было красиво и не так запущено, как сейчас.

– Неужели, всё запустили? – грустно спросил призрак. Кажется, я мешал ему сосредоточиться на истории.

– Ещё как. Краска облупилась, многие дома в городе – в аварийном состоянии. А уж местность вокруг станции, о ней и говорить не хочется. Но город всё-таки живёт, авось, поправят со временем.

– Станции? – удивился призрак, и я запоздало сообразил, что что в его бытность живым тут, наверное, поезда не ходили. Жители и приезжие добирались до порта вплавь на хлипких судёнышках, и весь залив, как гроздьями винограда, был усеян плавательными средствами разной степени непотопляемости. Может, из какого-нибудь городка возле Везувия, или из самого Неаполя, или с Капри, что спрятался прямо за скалой, регулярно ходили суда, но скорее всего, лодку просто нанимали зажиточные граждане, чтобы не тащиться

несколько дней по суше на полудохлом коне. И не было никакого расписания, и не было билетов. Как прекрасен хаос в лучших его проявлениях, и насколько подробно его можно рассмотреть здесь, особенно на оживлённом перекрёстке, где ни водитель, ни простой пеший человек, ни даже чёртова гужевая повозка не соблюдают правила безопасности.

– Да. Как бы тебе объяснить. Сюда теперь идёт поезд.

– Поезд?

– Представь себе огромную машину, которая движется по рельсам.

– Но как она движется по горам?

– О, это совсем просто. Они прорыли тоннель для этих машин, так что теперь поезда несутся прямо под горой и вылезают на свет в пригороде.

– Не может этого быть! – на распев произнёс призрак. Он явно был в восхищении. – Может, жаль, что я не оставил наследников.

– Думаю, они нашлись сами, как только ты склеил лапы.

– Совершенно верно, – Луиджи Соррентино снова посмурнел. И даже призрак его стал каким-то менее прозрачным. – Ладно. Я хочу рассказать тебе историю моей жизни, а если точнее, моей смерти.

В этот момент зазвонил телефон.

– Это что такое? – встрепенулся призрак.

– Это телефон. А, не спрашивай, я всё равно не смогу объяснить.

– Я могу продолжать? – Луиджи, кажется, начал раздражаться.

– К сожалению, пока нет. Я должен ответить.

Призрак совсем как живой человек из мяса и крови бесплотно плюнул на пол и удалился к окну, полюбоваться видом.

– Эй, не спишь? – спросил меня голос по ту сторону. Это была моя подружка.

– Нет, не сплю. Веду задушевные разговоры с призраками, – бодро отозвался я.

– И я, – сказала подруга, – с призраками наших прошлых жизней. Ты всё ещё не хочешь ко мне?

– Нет. Надо поговорить с призраком.

– Можешь не класть трубку? Я тоже хочу поговорить, и в отличие от него, я ещё жива.

– Конечно.

Я видел, как Луиджи недовольно покачал головой, хотя слушал во все уши. Ему явно было в новинку, что можно общаться на расстоянии посредством проводов. Он внимательно изучил аппарат, почёсывая свою призрачную бороду, но в итоге завис возле меня, по всей видимости, плюнув на попытки понять изменившийся мир.

– Можешь меня не слушать, – пробормотала подруга. – Мне просто надо поговорить. Хорошо?

– Говори, – я это сказал обоим моим собеседникам, и оба правильно поняли моё сообщение.

– Мне очень нравится моя жизнь, – сказала подруга, – у меня есть всё, что я могла желать годы назад. Счастливый брак, ребёнок, Альфа-Ромео с автоматической коробкой передач, пятнадцатого года – немного битая, но у кого тут машины без вмятин? В этой стране считается, что жизнь удалась, когда у тебя есть все эти приметы успеха. Они не стремятся к миллионам, не испытывают потребности стать лучше других. Помнишь, как в молодости мы даже в собственной компании всё время с кем-то конкурировали, выставляли себя напоказ? А здесь мне не нужно об этом думать ни минуты.

Я промычал что-то нечленораздельное. Я и сам уже давно не стремлюсь кому-то что-то доказывать, наверное, потому и остался один.

Пока подруга болтала, Луиджи склонился надо мной и постепенно начал развивать собственный сюжет.

– Я хочу рассказать тебе, смертный, о том, как я превратился в проклятую душу, что скитается без толку по этому миру. Возможно, ты извлечёшь из моего рассказа урок, а если прислушаешься, узнаешь способ обогатиться, потому что в самом конце я расскажу тебе, как найти все мои сбережения. Их до сих пор никто не раскопал, и они хранятся в никому не известном месте. Я приведу тебя к ним.

Я кивнул.

– Многие годы я живу с ощущением, что половина меня где-то застряла, а вторая ждёт её и грустит по ней. И в этом

чёртовом Сорренто она сделала привал. Пусть сестричка нагонит, пусть отдышится после бега, а потом они, взявшись за руки, побредут дальше, на самый край мира, чтобы там понять что-то, чего по отдельности понять так и не смогли. Но только это иллюзия. Моя потерявшаяся половина где-то далеко, и никаким образом её сюда не притащить, как ни старайся.

Моя подруга очень любила огромные развёрнутые метафоры, за что её иногда называли Горацием. Правда, в прошлой жизни. Гораций в юбке – эта кличка ей очень подходила, потому что даже в лютые морозы она надевала юбки, почитая за правило оголять ноги всегда, когда это возможно.

Одной рукой я достал из пачки Мальборо сигарету и закурил, пытаюсь хотя бы частью сознания цепляться за хитросплетения обеих историй.

– Мне принадлежало огромное поместье – чего там только ни было: и небольшая усадьба, и лимонный сад, который я своими руками возделывал почти десять лет, и беседка над склоном. Всё это было моим, а я был его, и растворялся в этом постоянстве, как растворяется любовник в отношениях с другим человеком, как растворяется в стакане вина яд, который убивает невнимательного друга, пришедшего в гости к злоумышленнику.

– Давай ближе к теме, – шёпотом сказал я призраку, постаравшись сделать так, чтобы моя подруга не услышала этой реплики.

– Как ты смеешь, смертный? – Завопил Луиджи, но практически сразу остыл. – Ладно. Какое-то вы, нынешнее племя, совсем не любознательное. Ничем-то вас не удивишь, вечно пытаетесь прокрутить разговор вперёд до того момента, когда начнётся движуха.

Откуда призрак подчерпнул столь полезные в обыденной жизни выражения, ума не приложу.

– Я пал жертвой любви. Коварной, как любая иная страсть, и внезапной, как дуновение холодного ветра с моря. Ты встречался когда-нибудь с чем-то подобным?

– Ты встречался когда-нибудь с подобным ощущением? – вторила Луиджи моя подружка. – С таким вот идиотским раздвоением?

– Нет, никогда не встречался, – ответил я сразу обоим моим собеседникам.

– Она приехала из Британии. Жалкая страна, которая дрожала при виде итальянских галеонов ещё несколько сотен лет назад, а всё же родина такой удивительной красоты. Какие у моей возлюбленной были руки! Неужели, эти руки могли подсыпать мне в вино яд? Я не верил в это при жизни, не могу поверить и после смерти, хотя история буквально ткнула меня носом в этот кошмар. Помимо моей воли она поставила меня перед фактом. А ведь я рисовал её, обнажённую, при свете луны! Ну, скажем, не только луны, а ещё и пары факелов, но всё же, всё же. И не было нас моложе, и не было нас милее друг для друга. Или это тоже оказалось

лишь игрой разума?

– Меня постоянно преследует одна мысль. Что если та, оставшаяся в каком-то, надеюсь, приятном, но безнадежно ушедшем в прошлое моменте Я догонит ту, что уже оторвалась? Что она скажет о моей жизни? Не рассмеётся ли в лицо добившейся всего, о чём только можно было мечтать? И не начнёт ли укорять? Слушай, я несу чушь, я знаю. Надеюсь, ты не слушаешь, и твои призраки интереснее. Прости. Я позвоню тебе утром, ладно?

– Ладно, – отозвался я.

– Ну и пошёл ты. – Буркнула она. – Пошёл ты к чёрту, если ты ещё не у него. А у меня сейчас на столе бутылочка Брюта, и мне хочется дождаться другую меня. Поговорить с ней. Без тупых мужиков и их грёбаных призраков. Понять, гордится ли она мной, или презирает. До завтра!

– До завтра, – отозвался я и положил трубку. Призрак посмотрел на меня своими прозрачными глазами, словно только что заметил, что я здесь.

– Наконец, смертный, нам никто не мешает, и я могу рассказать свою историю до конца, – начал было он, как вдруг кто-то с силой постучал в дверь. Четыре раза.

– Да вы издеваетесь! Ты кого-то ждёшь, гад?

– Нет, – я удивился, – я тут больше никого и не знаю. Может, кто-то из персонала отеля?

Я не без труда поднялся из мягкого кресла и поставил бокал с алкоголем возле ножки.

Путь до двери занял минуты две – я пересчитал все углы, какие только мог встретить на пути, после чего чуть не уронил вазу. В этот момент на лице призрака отразился неподдельный ужас, и я понял, что ваза, скорее всего, принадлежала когда-то ему, или была очень похожа на ту, что ему принадлежала, благо местные предметы интерьера за сотни лет не слишком изменились.

– Не бойся, дух. Всё в порядке, – подбодрил его я.

– Ага, я вижу. Открывай дверь, а то они её сейчас выломают.

– Они? – я удивился. Но виду не подал. – Кто там?

Я крикнул это на английском сквозь дверь и прислонился к глазку, чтобы проверить, не соврёт ли стучащийся ко мне в такой поздний час. За дверью стояли две китаянки, которые приставали ко мне сегодня днём.

– Открой! – хором крикнули они, едва я сумел сфокусироваться на их тонких фигурках.

– Я же вас просил оставить меня в покое, – хладнокровно крикнул я сквозь дверное полотно.

– Открой. Ты не сможешь вечно от нас отказываться, и мы все это знаем.

– Ух ты, какие красотки, – хмыкнул шаловливый призрак Луиджи, наполовину высунувшись из двери в коридор. Девчонки его, конечно, не видели. – Если ты им сейчас откроешь, я даже не осужу тебя.

– Да нет, – пробормотал я, – с чего бы мне им открывать?

– Кажется, они хотят провести с тобой время. Очень неплохо провести время, сказал бы я, если бы не был представителем аристократической прослойки этого милого городка.

– А я не хочу, – заявил я раздражённо, – слышите, подружки! Уходите, я не открою.

– Мы должны тебе! – крикнула та, что поменьше. – И ты не можешь отказываться. Так не делается!

– За что должны? – удивился я.

– Да хотя бы за конфеты, – та, что повыше неожиданно вытащила из-за спины коробку. Уже открытую и, по всей видимости, пустую.

– Это был подарок.

– Нам не делают подарков.

– Слушайте, ну а я делаю! – крикнул я наконец, изрядно разозлившись. – Уйдите, я не хочу вас впускать.

– Впусти! – Крикнули они, а потом повторили клич. А потом снова, и снова. Они кричали надоедливо, на одной ноте, и у меня даже возникло ощущение, что заболел, заныл зуб. Зубная боль в висках. Такое вообще бывает?

Я плюнул и отошёл от двери. Пусть себе орут. Тяжело плюхнувшись в кресло, я поднял стакан и залпом допил его.

– А почему ты их непустил? – заинтересованно спросил меня призрак Луиджи Соррентино. – Неужели тебя не прельщают юные раскосые вакханки?

Прельщают, подумал я. Ещё как. Но мне совершенно

не хочется тратить на них время моего заранее спланированного одиночества. Впереди – ночь с духом, джин с тоником, разговор с подружкой с утра, после того, как и она, и я проведём целую ночь в одном городе, но не в одной квартире.

Планов – громадьё.

– Ладно. Тогда слушай. Я хоть и влюбился, но голову не потерял, – призрак задался целью закончить свой рассказ. Я лишь одобрительно махнул ему рукой, дескать, давай, не стесняйся. – Я много слышал о хитрости и коварстве англичанок, так что свои сбережения припрятал понадёжнее. Когда нужны были деньги – тайно доставал их из секретного хранилища, куда никто бы не смог залезть. Как оказалось, это было сделано не зря, но мне теперь приходится жить в этом зыбком теле и ждать, когда же кто-то раскопает сокровища. И я освобожусь.

Он трещал и трещал без умолку, но я практически его не слушал. Подруга, коробка конфет, эти девчонки под дверью – всё смешалось в единый клочок сна, и я уже не мог понять, что реально, что призрачно, как Луиджи и его дурацкая биография, а что – лишь бред моего усталого сознания, которое очень любит давать непрошенные советы или начинать показывать фильмы, когда их не ждёшь.

Хорошо, что слушать истории – не моё хобби.

Только джин в бокале и темнота, да ещё крики китайнок из холла, которые никак не хотят уходить. Что может быть веселее?

– Ты – худший слушатель, каких я только встречал, – заявил Луиджи Соррентино, когда на горизонте вдруг разразился рассвет. – Надеюсь, ты хоть что-то запомнил. А если нет, я приду снова. А потом ещё раз. И ещё. Я тебя достану, имей в виду. Тебе теперь не скрыться от Соррентино!

Луиджи громко и на показ рассмеялся, после чего растаял в первом луче утреннего солнца.

Как только он исчез, мне позвонила моя подружка, и я предложил ей отправиться на поиски сокровищ.

Почему бы нет?

В конце концов, чем ещё можно заняться в городе на скале, в котором зимний ветер разгоняет последних туристов, а до приезда мужа с сыном остаются ещё такие долгие и такие тёмные сутки?

2017

Малахитовый лев

Зелёный Лев и маленький Макалей Калкин заходят в квартиру и мнутя на коврике у порога, боясь зайти внутрь в мокрых от грязного ноябрьского снега ботинках. Они каким-то чудом умудряются не выйти за границы этого прямоугольника, постоянно толкая друг друга, балансируя на негнущихся ногах. Получается некрасиво, но я ничем не могу им помочь.

Я лежу на кровати, под двумя одеялами, одно из которых шерстяное, и температура моего тела перевалила уже за 39 градусов по какому-то неизвестному мне Цельсию. У меня галлюцинации, родителей нет дома, в квартире есть кто-то другой. Я разговариваю с ним, но буквы, что в моей голове, никак не хотят складываться в слова. На выходе получается набор несвязных звуков со вкраплениями бронхиального кашля и булькающего слюноотделения.

На экране включённого телевизора мальчик разбрасывает по дому хитрые ловушки, чтобы сразиться с незнакомцами, не ожидающими отпора.

Зелёный Лев, стремясь избавить меня от родительского гнева, так и не проходит в комнату. Они с другом желают мне поправиться быстрее и спешно ретируются, уступая место новому витку бреда.

– Ты уверен в том, что ты делаешь? – спросила она, и искося посмотрела на меня, считая, видимо, что моё периферическое зрение сейчас не работает. На ней был старый спортивный топик, наказанный по всей строгости за то, что выцвел и уже не подходил для пробежек, и такие же старые, но весьма игривые облегающие шорты. Удобная, практичная одежда, если тебе, возможно, придётся усаживать в кресло временно свихнувшегося мужчину под девяносто килограммов весом.

Комната была наполнена светом. Полдень – лучшее время, чтобы решиться на что-то такое, на что не решился бы никогда больше.

– Да. Мы уже всё обсудили, – я был зол, и, конечно, не на свою жену, которая сейчас готовилась к тяжёлому испытанию, а на себя самого и на то, что мне приходится ставить такие эксперименты над собой и над ней. Мне нужна была уверенность. Лучше собственная, но и уверенность жены подошла бы. К сожалению, никто ею не обладал в нужном объёме, и я начал переживать, что вылилось в нервный тик в уголке рта – раздражающее, но совершенно не страшное, а главное – привычное явление.

– Знаю, знаю, мы всё обговорили. Просто я волнуюсь за тебя.

А я за себя не волнуюсь, да? Зря я что ли столько раз ходил к психотерапевту, пытаюсь справиться с ситуацией без

применения лекарств?

Я взболтал сосуд с синей жидкостью, уверенно лежавший в руке, и минуту молча наблюдал за тем, как поверхность жидкости покрывается маленькими пузырями. Цвет, консистенция, всё в этом веществе вызывало чувство отвращения, настолько сильного, что мне хотелось разбить сосуд и вытереть руки о домашнюю майку с поблёкшей надписью *Monster in Paris*. И всё же, отступить сейчас я не мог.

Согласно инструкции по применению, я должен был выпить напиток залпом. Препарат начинает действовать через пятнадцать минут, а через полчаса его действие достигает апогея. Дальше следует три-четыре часа погружения в бездну собственного Я. Как написано в аннотации в это время необходимо, чтобы кто-то посторонний следил за пациентом, так как возможны, хотя и редки, побочные действия в виде лунатизма, психоза и даже эпилепсии. Поэтому, моей жене требовалось ни на минуту не отворачивать от меня взгляд.

– Всё-таки, это психотропное вещество, – сказала она.

– Разрешённое, – огрызнулся я.

– Знаю, знаю.

Я набрался смелости и одним движением опустошил «Майл».

Синяя жидкость, несмотря на неприятный внешний вид, оказалась не такой уж противной. В ней чувствовался яблочный сок, или, возможно, ароматизатор, заглушающий истин-

ный вкус лекарства. Давно забытый вкус, напомнивший мне что-то из другой жизни.

Я уселся в кресло и стал ждать, развлекая себе мыслями о том, как я вообще докатился до приёма столь сомнительных, пусть и легальных веществ. Жена легла на диван напротив меня и затихла в ожидании.

Синяя дрянь распространилась по внутренностям, стремясь занять как можно больше места в моём несчастном организме. В ушах что-то ревело, словно африканский зверь, вышедший на охоту. Впрочем, я быстро привык к этому звуку и даже стал разбирать в нём некий ритм – так, думаю, билось моё необыкновенно разогнавшееся сердце.

Это было неожиданно приятно. Холод прошёл по венам, заставив меня встряхнуться, но и только – никаких моментальных изменений в психическом состоянии не произошло. Пришлось продолжить игры с памятью, раз уж эффект так и не наступил.

Когда-то давно мне приснился сон, но я его благополучно забыл. Тогда он приснился ещё раз. И ещё. Стучался в двери, как пьяница, однажды пропивший свой дом, но всё равно пытающийся в него вернуться. Так – пока я его не запомнил, не зазубрил.

Каждый раз я находил себя в огромной пустой квартире. Я осознавал себя прямо посреди шага, сделанного по коридору.

ру. Ни единой приметы жизни не было в прихожей, не на что было кинуть взор, опереться в минуту помутнения сознания. В спальне не было кровати, на кухне – шкафов и плиты, в ванной комнате не было, собственно, ванны и даже раковины. В туалете не было унитаза.

Но что ещё хуже – не было двери: из квартиры невозможно было выйти. Поэтому я просто ходил по комнатам и мучительно выискивал хоть какие-то нововведения.

За десятилетие в снившейся мне квартире ничего так и не изменилось. Менялась моя дневная жизнь, менялась реальность, и только во сне я снова и снова возвращался в эту огромную пустоту.

Но всегда я ощущал на себе чей-то взгляд, не пугающий, даже не заинтересованный. Скучающий взор случайного наблюдателя, который почему-то не может его отвести и продолжает буравить мою спину, смирившись с этой неприятной для него необходимостью.

Мне двадцать восемь. Двадцать восемь оборотов Земли вокруг нашего безгранично яркого и такого далёкого Солнца. Это много или мало?

Раньше мне казалось, что жизнь тянется очень медленно, но с каждым годом она всё разгоняется, и вот уже событие, которое должно произойти только через месяц, неожиданно набрасывается на тебя из-за угла, и ты понимаешь, что про-

пустил тридцать дней – они незаметно пролетели и унеслись в ту загадочную страну, где живёт прошлое. Только их и видел. А что было? Работал, с кем-то встречался, разговаривал, спал с женой, выкурил тридцать пачек сигарет. И всё на этом.

Моя работа – то, вокруг чего крутится вся моя жизнь. Я пишу тексты для политиков, коммерсантов, выступающих перед советом директоров, да для кого угодно, кто готов платить за то, чтобы чужие мысли легли в основу их успеха. Чаще всего, большие шишки сами никаких мыслей не имеют – это очень странные люди, которые привыкли говорить чужими словами о чужих ценностях. Это называется корпоративным патриотизмом.

Не так сложно написать текст. Нужно просто представлять себе цели выступления, понимать, какие чувства в собравшихся надо пробудить. Дальше всё начинает вращаться вокруг этих нюансов, работать на достижение результата.

Результат – проклятие нашего времени.

Всё, начиная от костюма и заканчивая словами, вылетающими из высокопоставленного рта, подбирается исходя из целесообразности. И не быть мне самым молодым райтером страны, если бы я не раскусил эту схему ещё в лихие студенческие годы. В первый момент у меня было ощущение, что я сорвал банк: секрет буквально норовил выползти из меня на божий свет, но я вовремя сообразил, что на обладании этим сакральным знанием можно неплохо заработать.

Потом за шесть лет я перелопатил столько макулатуры,

что хватило бы на пятерых авторов. Я усердно изучал аудиторию, вырабатывал какие-то шаблоны (не писать же каждую речь с нуля!), работал со слогом и убедительностью до тех пор, пока не начал определять, что нужно заказчику, интуитивно, безо всякой теории.

Женился благодаря умению находить рычаги, легко убедил сотрудников банка, что достоин ипотеки и купил неплохую квартирку на Лесной, выбил себе два парковочных места и приобрёл две подержанные, но весьма неплохие Тойоты – себе и жене.

Это всё наносное. Несмотря на крайне самоуверенный внешний вид, я постоянно боюсь. Боюсь того, что однажды мне закажут текст, который я не смогу написать. Это не просто ощущение профессиональной несостоятельности, нет, это именно страх, регулярно переходящий в ночной кошмар. Единственное, в чём я достиг высот, может рассыпаться по прихоти судьбы, которая подкинет мне тот самый невыполнимый заказ. Когда я об этом думаю, я чувствую себя наёмным убийцей, которому заказали собственного ребёнка. Или мать. Или жену. Или себя самого, хотя этот вариант ещё можно осуществить, чтобы в последний раз показать, чего ты стоишь.

Чем популярнее я становился, тем сильнее был этот страх. Он привёл меня к синему «Майлу» – новому изобретению химпрома, апробированному всего пару месяцев назад. Он, и лысеющий мужчина в дорогом костюме.

Зелёный лев постоянно ощущает его присутствие за своей спиной. Он выходит из подъезда, идёт по улицам, как всегда без какой-то конкретной цели, пролезает проулками, вышагивает бульварами, но каждый раз, когда он оборачивается, видит прямо перед собой Зверинец – чудовищных размеров здание на миллион квартир, от которого не скрыться нигде и никогда.

Лев ускоряется, он не просто идёт, а бежит, не различая дороги, домина тащится позади, как привязанная, и ничего с этим не поделать.

Можно уйти из дома, так рассуждает лев. Можно уйти от родителей, от семьи, можно уйти от своей судьбы, но невозможно сбежать от Зверинца, если он не хочет тебя отпускать.

А дом этот страшен и холоден. Сотни этажей, километры перекрытий и коридоров, тысячи и тысячи дверей, за которыми рождаются, живут и умирают люди, и нет никаких шансов вырваться из круга, разорвать порочную череду предсказуемости, банальности причинно-следственных связей, выйти за пределы этого кармического маятника по примеру персонажа какой-то старой книжки, которого в последний момент перед смертью и, конечно, дальнейшим перерождением на то же место и в тот же час, спас безымянный французский солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.